

краткости, размере» (с. 126). В этой формулировке остается неясным, какое действие можно считать «нормальным» и что является критерием отклонения от него. Указание на многократность, мгновенность, внезапность и т. д. как реально существующие в языке конкретные характеристики способа протекания действия во времени едва ли следует квалифицировать как «отклонения».

В первую очередь нас смущает то обстоятельство, что автор, исходя из своего постулата о том, что «грамматическая категория исследуемого языка бывает не только значимой, но и морфологизованной» (с. 3), отвергает все исходные формы, в частности, ед. число, именительный падеж, действительное наклонение и 2-е лицо побудительного наклонения. Нам представляется, что тезис Ц. Б. Цыдендамбаева об отсутствии в бурятском языке перечисленных форм находится в явном противоречии с общепринятым подходом к языку в целом и ко всем языковым явлениям. Мы не согласны с тем, что Ц. Б. Цыдендамбаев отвергает понятия о нулевой показателе и нулевой форме, обоснованные на материале многих языков и опирающиеся, как известно, на фактор парадигматичности форм. Думается, что автор чрезмерно прямолинейно проводит и свой тезис об обязательной морфологической оформленности грамматической категории. Исходя из этого, он отрицает в бу-

рятском языке наличие именительного падежа. В данном случае мы считаем более убедительной трактовку научной грамматики бурятского языка, согласно которой именительный падеж и основа представляют собой разные по содержанию, хотя и формально совпадающие категории. Согласиться с точкой зрения Ц. Б. Цыдендамбаева значит ввести дополнительные сложности в практику школьного преподавания. Так, в предложении *Утюгнай шатаа* «Перегорел утюг» слово *утюг* ученик должен считать не именительным падежом, а основой (поскольку от него образуется новое слово *утюгдаха* «утюжить»), а на уроке русского языка тот же ученик, разбирая предложение *Наш утюг перегорел*, слово *утюг* должен трактовать как именительный падеж, совпадающий с основой, и т. д.

В заключение следует отметить, что автор рецензируемой монографии изложил принципиально новое понимание целого ряда именных и глагольных категорий бурятского и родственных ему других монгольских языков. Теоретические положения книги хорошо иллюстрируются добротным языковым материалом. Монография Ц. Б. Цыдендамбаева вносит ценный вклад в развитие теории грамматических категорий в монгольском языкознании.

Дондуков У.-Ж. Ш., Матхеев Б. В.

Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. — М.: Наука, 1979. 304 с.

Рецензируемая книга представляет собой посмертно опубликованный сборник работ одного из крупнейших советских лингвистов и востоковедов проф. Александра Алексеевича Холодовича (1906—1977). Сборник содержит монографию «Глагол в современном японском языке», публикуемую впервые, и девять статей, преимущественно общезыковедческого характера (1946—1970 гг.).

При отборе работ, помещенных в сборнике и образующих по объему лишь небольшую часть творческого наследия А. А. Холодовича (см. список его основных научных трудов на с. 299—303), составители стремились познакомить читателей с наиболее важными теоретическими исследованиями А. А. Холодовича, написанными в послесловенный период (с. 3), и по возможности полно и разносторонне представить систему его общелингвистических и методологических взглядов. Этот критерий оказался весьма удачным, позволив придать книге внутреннее единство и одновременно достаточно широко охватить в ней основные аспекты научного творчества А. А. Холодовича, несмотря на то, что боль-

шинство его конкретно-лингвистических исследований (в области японского и корейского, а также айнского, бацбийского, грузинского, индонезийского, пивхского, финского, чувашского, чукотского языков) по необходимости осталось за ее пределами.

Работы, включенные в сборник, настолько многосторонни и информативны, что проанализировать всю полноту их научного содержания в настоящей рецензии вряд ли возможно. Мы ограничимся здесь рассмотрением этих работ преимущественно с точки зрения тех методологических принципов, на которых они основаны. Дело в том, что, с одной стороны, исследования А. А. Холодовича (вообще ориентированные на очень широкого читателя) в методологическом отношении представляют интерес для языковедов всех без исключения направлений и специальностей и, с другой стороны, при очевидной целостности и последовательности общезыковедческих воззрений автора он сам не свел их воедино в какой-либо специальной работе.

В самом общем плане выделяется три

аспекта в изучении языка (и языков), внимание к которым прослеживается в большинстве работ сборника и которые поэтому можно считать характерными для научного метода А. А. Холодовича: — диалектическая взаимосвязь универсального и специфического в языке; социальная природа языка как средства человеческого общения и познания; конкретно-методическая обоснованность лингвистического исследования.

Общезнаменитый принцип взаимосвязи универсального и специфического требует от исследователя-языковеда за внешне разнородными языковыми фактами искать глубинные закономерности более общего характера, анализируя материал любого языка как своеобразное проявление универсальных свойств естественного языка вообще и активно привлекая межъязыковые сопоставления.

Данный принцип можно считать определяющим для научных взглядов А. А. Холодовича, который высоко оценивает такой подход в работах других лингвистов [прежде всего Л. В. Щербы, методологические установки которого во многом являются для него образцом (см. статью «О второстепенных членах предложения (из истории и теории вопроса)», особенно с. 220—226)] и последовательно проводит его в своих исследованиях. Это проявляется и в широком использовании им данных самых различных языков при изучении конкретных особенностей какого-либо одного языка [см., например, венгерские (с. 95), английские (с. 155), корейские (с. 160), древнегреческие (с. 162), чукотские (с. 198—199) и другие параллели и противопоставления, учитываемые при анализе японского материала], и особенно в его глубоком интересе к лингвистической типологии как такому способу описания того или иного лингвистического явления, который позволяет «перечислить все логические возможности, существующие в этой области языка» (с. 255).

Фактически во всех своих работах, представленных в сборнике, А. А. Холодович стремится не просто дать исчерпывающее и максимально обобщенное описание рассматриваемых им языковых фактов, но построить некоторую логическую систему, позволяющую либо предсказывать все принципиально допустимые явления той же природы (хотя бы они отсутствовали в исходном материале), либо, по крайней мере, строго определять границы соответствующей сферы. Если же говорить о собственно типологических работах, то к ним в сборнике можно отнести три статьи: «К типологии порядка слов» (с. 255—268), «Залог I: Определение. Исчисление» (с. 277—293), «О типологии речи» (с. 269—276).

Статья о порядке слов примечательна прежде всего тем, что это первая общезнаменитая лингвистическая статья, где предлагается описывать порядок слов в любых языках с помощью правил универсального

вида, сформулированных в терминах грамматики зависимостей. Автор демонстрирует возможность построения на этой основе исчисления всех теоретически мыслимых вариантов линейной организации сочетаний слов в языке и, тем самым, исчерпывающей типологической классификации языков в данном аспекте. В статье также отмечается и обосновывается возможность использования языком позиционных средств для выражения определенных свойств смысловой структуры предложения, минуя структуру синтаксическую.

В статье о залого А. А. Холодович закладывает основы своей теории грамматического залога, базирующейся на вводимом им методологически важном и в настоящее время общепринятом понятии д и а т е з ы — схемы соответствий между партиципантами (семантическими участниками) ситуации, обозначенной некоторым словом, и синтаксическими ролями его актантов — слов, называющих этих участников в предложении. Залог в рамках этой теории — «это грамматически маркированная в глаголе д и а т е з а» (с. 284). Поскольку число как партиципантов, так и актантов каждого конкретного слова строго ограничено, все теоретически мыслимые варианты залоговых противопоставлений могут быть эффективно исчислены, а конкретные языки охарактеризованы по тому признаку, какие из этих противопоставлений получают в них формальное выражение.

Наконец, в статье «О типологии речи» А. А. Холодович развивает типологический подход применительно уже не к плану самого языка, а к плану так называемого языкового существования. Автор предлагает анкету из пяти признаков, в терминах значений которых можно описать любой речевой акт с точки зрения условий его осуществления, применяемых при этом средств, количества участников, возникающих между ними в этой связи отношений и т. д. Ученый убедительно показывает, что и эта сфера, при всей ее внешней индивидуализированности, открывает широкие возможности для обобщающих исследований.

Выбор предмета исследования в статье «О типологии речи» показывает, насколько существенным для А. А. Холодовича является и второй из выделенных нами выше трех аспектов его лингвистического метода — рассмотрение языка с точки зрения его социальной роли как инструмента человеческого общения и познания. О внимательном отношении ученого к общественной природе языка говорит и ряд других его работ. Такова, например, глава «Иерархичность» монографии «Глагол в современном японском языке» (с. 54—90), где автор, опираясь на построенную им типологию иерархических отношений между людьми в обществе, дает убедительную интерпретацию японских «форм вежливости» и подробно описывает условия их употреб-

ления. Таковы и гораздо более ранние статьи «Категория множества в японском в свете общей теории множества в языке» (с. 173—195) и «Партийный атрибут в японском языке» (с. 196—210). Первая из этих статей посвящена лингвистическому обоснованию и поиску социальных причин нерелевантности для японского имени противоположения единичности и множественности («поглощаемого» более существенным для этого языка отношением целого и части), а вторая — рассмотрению типов партийных отношений в японском словообразовании и синтаксисе в связи с проблемой устранения в языке (по мере изменения человеческих представлений о действительности) первобытного партаксиса целого и части.

Вероятно, не все положения двух последних работ, во многом непривычных для современного лингвиста, можно признать бесспорными. Однако уже тот факт, что, написанные в 40-х гг., они по-прежнему представляют значительный научный интерес, свидетельствует о плодотворности методологических позиций автора, на которые они опираются.

Нам осталось рассмотреть последний из трех отмеченных выше важных аспектов научного творчества А. А. Холодовича — его стремление при решении каждой лингвистической задачи использовать тщательно разработанную применительно к этой задаче и эксплицитно сформулированную конкретную методику, сочетающую логическую стройность с глубоким содержательным обоснованием.

Эта методологическая требовательность ученого проявляется, в частности, в подчинении им своих конкретно-лингвистических исследований некоторой общей схеме, предусматривающей наличие в них трех основных компонентов (как легко видеть, выделение этих компонентов базируется на соскоровских тезисах о двусторонней природе языкового знака и о системном характере языка): 1) уяснение смыслового содержания изучаемого явления, формулировка его эксплицитного определения и исчисление всех логически возможных здесь противопоставлений; 2) выявление и классификация формальных средств, которые могут использоваться в рассматриваемой сфере языка для передачи указанного содержания; 3) установление ограничений, налагаемых данным языком на возможность выражения в нем рассмотренных смысловых противопоставлений и на используемые в этих целях средства, и описание условий употребления соответствующих языковых единиц в связи с их синтагматическими и парадигматическими характеристиками.

Данная принципиальная схема, в частности, положена А. А. Холодовичем в основу пяти центральных глав его монографии «Глагол в современном японском языке». Речь идет об уже упоми-

навшейся главе «Иерархичность», а также о главах «Каузатив» (с. 91—112), «Залог» (с. 112—138), «Перфект-результатив» (с. 138—160) и «Реципрок» (с. 161—172).

Каждая из перечисленных глав (за исключением главы «Залог», базирующейся на более ранней типологической работе автора на ту же тему) начинается с описания семантической стороны соответствующего круга языковых явлений. Так, для каузативности здесь рассматривается смысловая деривация на базе каузативного отношения; для перфекта и результатива — семантическое противопоставление предельных и непредельных процессов (интерпретируемое как различие в том, насколько однозначно эти процессы определяют состояния, наступающие по их естественным завершению у их субъектных, объектных или локативных участников); для реципрока — конверсные (прежде всего, симметричные) семантические ситуации, отличающиеся наличием двух сопряженных (т. е. облигаторно предполагающих друг друга) активных партиципантов.

Затем обосновывается лингвистическая релевантность рассмотренных семантических фактов для японского языка и вводится обусловливаемые ими грамматические категории — в ряде случаев нетрадиционные по своему определению. Так, А. А. Холодович расширительно трактует здесь понятие залога, распространяя его, в частности, на случай перераспределения партиципантов ситуации, обозначенной сочетанием синтаксически связанных слов (обычно двух), между диатезами этих слов (см. с. 124 и далее, особенно п. 6.8.1). Новым является предлагаемое им разграничение субъектного, объектного и иллативного результатов (с. 141). Не выделялась ранее в японистике и граммема реципрока, постулируемая А. А. Холодовичем в связи с фактом регулярного морфологического выражения в японском глаголе симметричных предикатов.

После введения всех необходимых категорий автор переходит к выявлению допустимых в японском языке типов и средств их формального выражения, установлению синтаксических свойств этих средств и построению классификаций содержащих их языковых единиц с учетом валентных характеристик и других особенностей сочетаемости этих единиц.

Рассмотренная общая схема, которой, как мы показали, А. А. Холодович весьма строго придерживается в своих конкретно-лингвистических исследованиях, не исчерпывает, однако, его требований к их методике. Не меньшее значение он придает продуманности и эффективности используемых при этом понятийных инструментов. Подчеркивая, что всякий новый момент, обнаруженный при исследовании языкового материала, «должен, во-первых, получить свое обоснование, а во-вторых, быть терминологически зафиксирован» (с. 19), ученый удачно ис-

пользует в этих целях как современный арсенал средств лингвистического обобщения и формализации (включая грамматику зависимостей, противопоставление модуса и диктума, понятия лексической функции, глубинно-синтаксического и семантического представления предложения и др.), так и ряд понятий и терминов из области математики и формальной логики.

Вместе с тем А. А. Холодович считает недопустимым в процессе обобщения отождествлять разноплановые понятия, заменяя этим их лингвистический смысл. Резкую критику вызывает у него, например, отождествление синтаксических и морфологических категорий в концепции частей речи Потегбни — Шахматова — Пешковского (с. 218—220) или смешение плана языка и плана речи в «Грамматике русского языка» 1952—1954 гг. [статья «К вопросу о группировках слов в предложении» (с. 244—254)]. Чтобы избежать в лингвистическом исследовании подобных бессодержательных обобщений, по мысли А. А. Холодовича, необходимо прежде всего бережно относиться как к самим языковым фактам, так и к их интуитивной интерпретации в сознании говорящих, проявляющейся, в частности, в традиционных лингвистических трактовках. Лингвист должен стремиться подвести разумный фундамент под традицию (с. 19), не просто констатировать, но «вывести необходимость» всех замеченных противоречий между языковой формой и содержанием (с. 173). Иными словами, он должен добиваться от своих описаний максимальной естественности и объяснительной силы, что и явится лучшим обоснованием используемых им понятий.

Наконец, важнейшее значение для А. А. Холодовича имеет корректность применения понятийного аппарата лингвистики к последующему материалу. Ученый не признает ни малейших отступлений от требований аргументированности и строгости проводимых в лингвистическом исследовании логических построений. Концепция, в пользу которой не приводятся лингвистически значимые доводы, вообще не должна рассматриваться в рамках языкознания [ср. замечание в связи с теорией двухвершинности предложения, являющейся, по мнению А. А. Холодовича, последним формальным логикой (с. 298)]. Аргументы, которые на материале хотя бы некоторых языков либо неприменимы, либо дают результаты неоднозначные или противоречащие интуиции, не могут считаться вполне убедительными [критика концепции доминирующего положения подлежащего в предложении (с. 295—297)]. Подмена исследователем своих исходных понятий и определений другими, не сформулированными им в явном виде, является безусловным недостатком, даже если она происходит бессознательно или дает, в конечном итоге, приемлемые результаты.

С той же требовательностью относится А. А. Холодович и к своим работам, при-

давая исключительно важное значение эксплицитной формулировке применяемых им понятий и осуществляемых при их участии логических операций. Автор уделяет большое внимание использованию символических обозначений и формальных способов представления анализируемого материала, исключающих возможность случайных пропусков или неявных сдвигов в интерпретации фактов языка, строгим операционным процедурам и критериям разграничения и (или) классификации тех или иных языковых явлений. Блестящим образцом разработки А. А. Холодовичем таких процедур и критериев может служить, например, включенная в рецензируемую книгу статья «Опыт теории подклассов слов» (с. 228—243), в которой автор рассматривает условия и правила применения двух критериев — семантико-морфологического и (семантико-)синтаксического — для классификации слов в пределах одной части речи (в разбираемом им случае — японских глаголов). В этой статье, в частности, дается почти математически точное описание методики определения синтаксической модели управления глагола по примерам его употребления в контексте, а также сравнения получаемых моделей между собой по таким признакам, как количество образующих их валентностей (мест), морфолого-синтаксические и семантические характеристики слов, способных в тексте заполнять эти места, соответствующие тем или иным моделям референционные структуры, допустимые для разных моделей типы конверсных и иных трансформаций и т. д.

Мы рассмотрели в общих чертах основные методологические установки А. А. Холодовича. Можно много говорить о ценности конкретных научных результатов, достигнутых им на основе последовательного проведения этих установок в своих трудах, о плодотворности и перспективности введенных или пересмысленных им принципов и понятий (например, понятий диатезы, суперлексемы, конфигурации и др.), о многочисленных тонких и глубоких замечаниях, разбросанных по страницам его работ [таких, как замечание о генетическом родстве японского страдательного залогов и каузатива (с. 137) или мысль о возможности учета при исследовании коммуникативных актов их естественно-языковых описаний, а также имеющихся для этого в языке средств, прежде всего лексикой (с. 273, 274—275)]. В данной рецензии это сделать невозможно: отметим лишь еще одну общую особенность рассматриваемой книги.

Особенность эта, тесно связанная с другими отмеченными выше сторонами научного метода А. А. Холодовича, состоит в том, что его книга не просто сообщает читателю определенную позитивную информацию (хотя в этом отношении она, безусловно, чрезвычайно насыщена), но и побуждает его к самостоятельным научным размышлениям, ставя

перед ним множество новых задач и вопросов. Одни из этих вопросов автор формулирует в явном виде как проблемы, которые по тем или иным причинам не рассматриваются в соответствующей его работе и еще ждут своего решения (см. хотя бы с. 112, 233, 235, 242—243, 268, 292 и др.). К другим вопросам читателя имплицитно подводит ход логических рассуждений автора, а также используемые в них постулаты и гипотезы. Так, в связи с рассмотрением на с. 69 понятия групповой флексии возникает вопрос о месте этого понятия с точки зрения противопоставления морфологии и синтаксиса. Описание категорий иерархичности заставляет задуматься над тем, имеют ли эти категории словоизменяющую, словообразовательную или иную природу. Ряд интересных проблем ставит мысль А. А. Холодовича о зависимости порядка порождения сложных словосочетаний от их речевого контекста (см. с. 250—252, особенно примеч. на с. 251) и т. д. Такая «открытость», свойственная трудам А. А. Холодовича, обращенность их в будущее, ориентация при рассмотрении каждого вопроса на более широкую перспективу придает его книге особую ценность и актуальность.

Мы ничего не говорили до сих пор о недостатках рецензируемой книги — не говорили потому, что недостатков как таковых в составляющих ее работах очень немного. Разумеется, в них есть отдельные опечатки; есть и смысловые неточности (например, на с. 271 в строках 10—13, 26—28 явно переставлены местами слова *первый* и *второй*, что может навести читателя на ложные ассоциации). Однако подобные неточности, повторяем, немногочисленны и практически не мешают восприятию мысли автора, поскольку могут быть легко обнаружены и скорректированы по контексту.

В отношении же содержательной стороны представленных в сборнике работ

следует говорить скорее не о недостатках, а о дискуссионности некоторых из предлагаемых в них решений тех или иных лингвистических проблем (тем более, что автор обращается, как правило, к наиболее сложным и наименее изученным из таких проблем) или о возможности альтернативных трактовок отдельных языковых фактов. Более серьезные претензии можно предъявить, пожалуй, только к главе «Суперлексемы» (с. 28—54) монографии «Глагол в современном японском языке», где дано около 250 пар японских глаголов, связанных между собой, по утверждению автора, регулярным смысловым отношением каузации (с. 28): для целого ряда из перечисленных пар и регулярность, и каузативность смысловых отношений между их членами вызывает большие сомнения. Представляется, однако, что здесь, как и в случае некоторых других погрешностей в содержании и логике изложения указанной монографии, основную роль сыграло то, что автор не успел сам завершить эту работу и провести ее окончательную редакцию. Будь у него такая возможность, большинство из имеющихся неточностей были бы скорее всего устранены, а список суперлексем уточнен.

Завершая свою рецензию, мы должны еще раз подчеркнуть, что она отнюдь не претендует на сколько-нибудь глубокий анализ сборника: такой анализ требовал бы гораздо более тщательного и всестороннего изучения содержащихся в нем работ с учетом всего научного наследия автора. Думается, однако, что в рамках настоящего обзора это и не является необходимым. Полное представление о рассмотренных нами работах читатель может получить, обратившись непосредственно к книге А. А. Холодовича, — книге, которая, безусловно, войдет в золотой фонд советского языковедения.

Шалапина З. М.

Рассадин В. Н. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. — М.: Наука, 1978. 288 с.

Настоящая монография является продолжением работы автора над систематическим и исчерпывающим описанием языка одного из самых малочисленных тюркоязычных народов — тофаларов (тофов), проживающих на Саянах. Книга непосредственно связана с изданным ранее содержательным трудом «Фонетика и лексика тофаларского языка» (Улан-Удэ, 1971) [см. 1]. Следует сразу отметить, что в монографии представлен исключительно ценный для общей тюркологии и алтаистики языковой материал, который получает интерпретацию на основе тради-

ционных грамматических представлений отечественной тюркологии. Однако нужно признать, что ряд грамматических явлений трактуется автором с новых, оригинальных позиций. Например, интересно подана категория числа у имени существительного, по-новому описаны формы вида и индикатива у глаголов, степени сравнения имен прилагательных, разряды местоимений и др. Такая интерпретация фактов воспринимается органично. С другой стороны, новое толкование обращает внимание на не решенные до сих пор спорные вопросы тради-